

Неделя

Если вторник — 8 марта, то в пятницу «Неделя» выходит не с гостем, а с гостями 13-й страницы. Сегодня это — молодая, но уже очень популярная актриса Московского драматического театра на Малой Бронной, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, обладательница Золотой медали имени А. П. Довженко, депутат Краснопресненского районного Совета столицы Ольга Михайловна Остроумова.

— Ольга Михайловна, в первом своем фильме — «Доживем до понедельника» вы, наверное, играли саму себя?

— Что вы, нет! Мой персонаж в этой картине — первая красавица класса, а я таковой не считалась. У нас была первой красавицей Наташа Георгиевская.

— Где это у вас?

— В школе, в Куйбышеве. Родилась я в Бугуруслане, но затем семья переехала в Куйбышев. У нас большая семья: нас, детей, четверо. И знаете, хотя актрисой стала одна я, во всех нас есть что-то такое, творческое, что ли, «частица черта».

Ольга

Остроумова

Старшая, Рая, инженер на водном транспорте, когда я пришла в отпуск, вдруг сказала мне: «Хочешь, я для тебя чечетку отоблю?» Лихо сплясала — и заплакала. Порывы юности, даже не осуществленные, все равно дают о себе знать... Люся, средняя сестра, с детства писала стихи, а теперь, уже взрослая, поступила на работу в Куйбышевское отделение Союза журналистов, пишет свои «информашки» и счастлива. Эта «гуманитарность» у нас от папы, Михаила Алексеевича. Он учитель.

— Конечно, литературы?

— Нет, физики. Но только ли физики?.. Помню, он нас с братом Герой, маленьких, усаживал рядом с собой на диван и читал вслух «Остров сокровищ» Стивенсона. Сам сделал лодку, и мы вчетвером — он, мама, Гера и я — плавали по реке Кинели, по Самарке и по Волге... Папа никогда не скажет: «Посмотрите, какой рассвет!» Он просто сам будет смотреть, и мы заметим это и тоже станем смотреть, чтобы увидеть то, что видит папа... А как мне важен его одобрительный взгляд!

— Одним словом, вы, как говорится, «папина дочка»?

— Он однажды мне написал: «Ты всегда восторженно говоришь обо мне, и это несправедливо: без мамы ничего не было бы — ни нашей библиотеки, ни лодки, ни плаваний. Трудно жить вшестером на одну учительскую зарплату, но мама, наша Наталья Ивановна, ухитрилась, чтобы было вроде бы нетрудно». Да, став взрослыми, мы это осознали. А пока были маленькими, не замечали: нас кормили, одевали, все было в порядке, мы росли...

— И вы наверняка играли в школьных спектаклях.

— Вот и ошиблись. В школе представления не имели, что я хочу на сцену, и страшно уди-

вились, когда я, не дожидаясь выпускного вечера, попросила выдать мне аттестат, чтобы послать его в ГИТИС.

— Неужели вдруг, ни с того ни с сего, — в ГИТИС?

— Почему же «ни с того ни с сего»? Я несколько лет занималась в Народном театре клуба железнодорожников. Играла роли девочек, например Надю в горьковских «Врагах».

— А почему именно в железнодорожном клубе?

— (Слегка смутившись, со смехом). А он ближе к дому... Я понимаю, со стороны казалось, что у меня нет оснований «идти в актрисы». Так бывает, фактов нет, но человек чувствует в себе эти основания. Я даже не знала о существовании училищ имени Щепкина и Щукина, про ГИТИС прочла в газете. В Москве у нас не было никаких знакомых, но я убедилась родителей, что поселюсь в общежитии ГИТИСа. Дадут общежитие, не могут не дать! И не могут меня не принять.

— И, надо полагать, все это сбылось?

— Не сразу. На собеседовании мне сказали: «Не советуем вам выходить даже на первый тур. У вас голос травести, а фактура героини... Знаете, я не могу заплакать, когда это нужно. Многие умеют, а я не могу. Но когда вышла с собеседования, разревелась яростно! Меня окружили абитуриенты, успокаивали, и чей-то голос говорил: «Смени репертуар, читай что-нибудь плавное, спокойное». Я его послушалась. На первом туре вспомнила пушкинское «Мороз и солнце, день чудесный...» Из прозы прочла «Лист» Приш-

Гость 13-й страницы

— Знакомо вам чувство творческой неуверенности? Сомнения?

— Всякая новая работа начинается для меня с неуверенности. У меня еще нет ощущения опыта. К тому же с прежним опытом, я считаю, нельзя подходить к новому человеку (не люблю говорить: «к новому образу»). Прочитав сценарий фильма «Василий и Василиса» (по рассказу Распутина), я сказала режиссеру Ирине Ивановне

Выпуск 269-й

идете на любимую работу, которая для вас даже не совсем работа, а еще и немножко игра, когда вы испытываете ощущение праздника в процессе работы — это ли не подлинное счастье?

— Когда актера спрашивают, какая из сыгранных им ролей ему особенно дорога, он обычно отвечает: «Все мои роли — мои дети; бывает ли нелюбимый ребенок?» Вы тоже скажете что-то в этом роде?

А жаль... Я это к чему вспоминаю — в «Хомуте» я сначала выглядела именно так, какой была первоначально задумана моя героиня.

— Ольга Михайловна, в театре обычно на роль назначают двух или больше актрис, чтобы было несколько составов. Как вы относитесь к своим, так сказать, соперницам?

— Спокойно отношусь. (Смеется). Все равно я лучше...

— Сейчас вы дома, «с удовольствием не играет». Какого рода книги предпочитаете, что перечитываете?

— Читаю те новинки в журналах, которые не успела прочесть. Например, романы Айтматова. Я еще очень многого не знаю, должна наверстывать, и поэтому не могу позволить себе перечитывать.

— А каково ваше отношение к музыке, живописи?

— Я дилетант, хотя параллельно с общеобразовательной школой окончила музыкальную, по классу фортепиано. Родители очень хотели этого. В молодости они жили на Урале, и папа тогда сам сделал рояль; а потом этот рояль при пожаре сгорел, но осталась мечта об инструменте и о том, чтобы кто-нибудь из детей на нем играл. И вот меня отправили в музыкальную школу, для чего продали мамину шубу и купили пианино... Я думаю, все мы, кроме профессиональных музыкантов и живописцев, дилетанты в музыке и живописи. Конечно, чувствуем ту или иную мелодию, то или иное полотно. Я могу на выставке увидеть всего одну картину, однако если она меня поразит, этого будет достаточно. Но уж, конечно, не стремлюсь всюду успеть («Ты была на выставке «Париж—Москва?» — «Как же, была три раза, в том числе и на открытии!»).

— Фильмы с вашим участием показывали за рубежом; вы ездили на эти показы, на кинофестивали?

— О, я полмира объездила: Боливия, Перу, Коста-Рика, Панама, Мадагаскар, Уганда, Заир, Центральная Африканская Республика, а в Европе — братские страны, Швейцария, ФРГ... И знаете, главное мое открытие в этих поездках: на земном шаре живут люди. Не латиноамериканцы, африканцы, итальянцы или французы, а кинозрители.

— Пожалуйста, простите меня, я вторгаюсь в область сугубо личную... Хочу заметить, что при своей занятости в театре и кино вы — отважная актриса: двое детей — это, знаете ли...

— Станный взгляд на вещи! И, что особенно странно, пространственный! «Ты — героиня, двое детей — это для актрисы подвиг!» Никакой не подвиг; кстати, у Иры Муравьевой, у Кати Марковой, у Риты Тереховой по двое детей. Нас было дома четверо, и это нормально. Мы с мужем давно говорили: «Нам бы второго...» Я не могу отказаться от детей ради работы, как не могу отказаться от работы ради детей. Планета враждебна, дети рождаются, растут, так и должно быть!

— И еще вопрос, Ольга Михайловна: что же дальше?

— Я не строю планов, не рассчитываю свою жизнь вперед. Я надеюсь на благосклонность жизни. На счастливую ситуацию. И верю: она будет.

Гостью расспрашивал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Фотографировали
Ю. Инякин и Ю. Луньков.

Поплавской: «Вы меня зря вызвали, я эту роль — Василису — просто не сыграю». И только в середине съемок почувствовала уверенность. Роль такая, что словно тянет тебя с собой на аркане и нужно лишь слушаться ее... Или, например, в театре — Глафиру в «Волках и овцах» я до генеральной репетиции не знала, как играть. Со мной многие актеры говорили, объясняли, подсказывали, но я не могу принять эти подсказки — не чувствую. Тоня Дмитриева говорит: «Да ты что, это же «самоигральная» роль!» Какая уж тут «самоигральная», если я до сих пор одну сцену так для себя и не решила, играю напролом... Видела в этой роли Быстрицкую, читала о Зеркаловой, о репетициях Станиславского с Андровской. Но мне надо сделать свою Глафиру. Я опираюсь не на интуицию, а на логику. И как раз логически пока не могу решить эту сцену.

— Нередко актеры на встречах со зрителями говорят: «Съемки были очень трудными, работа была очень тяжелой» и в том же духе. Но ведь эти трудности — в рамках профессии. Как вы полагаете?

— Трудно, я полагаю, влезть в человека (то, что называют «образом»). Профессор Герасимов восстанавливал облик людей прошлого по черепам — а вдруг он ошибся, и они выглядели не так, а мы верим? Так и я, актриса, не должна ошибаться, потому что мне верит зритель и я не имею права его обманывать. Только это и трудно, остальное все легко. Когда вы

Отнюдь. Да не обидятся на меня режиссеры и коллеги, но я особенно дорожу — в кино — двумя ролями: Женей Комельковой (в фильме «А зори здесь тихие...») и Василисой. Такой уровень драматургического материала, такая слитность этих персонажей со мной — подобного не было у меня в других работах.

— Доводилось вам играть роль, в которой надо было выглядеть некрасивой, может быть, даже уродливой?

— Доводилось. По окончании ГИТИСа мы пятеро — Юрий Еремин (нынешний главный режиссер Центрального театра Советской Армии), Андрей Мартынов, Коля Михеев, Владик Долгоруков и я — были приглашены в Театр юного зрителя. И сразу развили там бурную деятельность, почти сами поставили «Позднюю любовь» Островского, где я играла Лебедкину (хотя по гитисовским меркам должна была вроде играть Людмилу, «голубую героиню»). Смотрю на старые снимки в роли Лебедкиной — как же я ужасно гримасничала! Какой ужасный — и в то же время бесценный — опыт... Еще был такой фильм «Хомут для Маркиза»; я должна была играть несчастливую женщину, котломойку в столовой, живущую в захолустье, муж пьет, жизнь не сложилась. Но создатели фильма не решились на столь резкие характеристики, и женщина после их «корректив» получилась не такой уж несчастливой, и не такое уж это было захолустье, и не так уж сильно пил муж...

Если вторник — 8 марта, то в пятницу «Неделя» выходит не с гостем, а с гостями 13-й страницы. Сегодня это — молодая, но уже очень популярная актриса Московского драматического театра на Малой Бронной, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, обладательница Золотой медали имени А. П. Довженко, депутат Краснопресненского районного Совета столицы Ольга Михайловна ОСТРОУМОВА.

— Ольга Михайловна, в первом своем фильме — «Доживем до понедельника» вы, наверное, играли саму себя?

— Что вы, нет! Мой персонаж в этой картине — первая красавица класса, а я таковой не считалась. У нас была первая красавицей Наташа Георгиевская.

— Где это у вас?

— В школе, в Куйбышеве. Родилась я в Бугуруслане, но затем семья переехала в Куйбышев. У нас большая семья: нас, детей, четверо. И знаете, хотя актрисой стала одна я, во всех нас есть что-то такое, творческое, что ли, «частица черта».

Ольга

Остроумова

Старшая, Рая, инженер на водном транспорте, когда я приехала в отпуск, вдруг сказала мне: «Хочешь, я для тебя чечетку отобью?» Лихо сплясала — и заплакала. Порывы юности, даже не осуществленные, все равно дают о себе знать... Люся, средняя сестра, с детства писала стихи, а теперь, уже взрослая, поступила на работу в Куйбышевское отделение Союза журналистов, пишет свои «кинформашки» и счастлива. Эта «гуманитарность» у нас от папы, Михаила Алексеевича. Он учитель.

— Конечно, литературы?

— Нет, физики. Но только ли физики?.. Помню, он нас с братом Герой, маленьких, усаживал рядом с собой на диван и читал вслух «Остров сокровищ» Стивенсона. Сам сделал лодку, и мы вчетвером — он, мама, Гера и я — плавали по реке Кинели, по Самарке и по Волге... Папа никогда не скажет: «Посмотрите, какой рассвет!» Он просто сам будет смотреть, и мы заметим это и тоже станем смотреть, чтобы увидеть то, что видит папа... А как мне важен его одобрительный взгляд!

— Одним словом, вы, как говорится, «папина дочка»?

— Он однажды мне написал: «Ты всегда восторженно говоришь обо мне, и это несправедливо: без мамы ничего не было бы — ни нашей библиотеки, ни лодки, ни плаваний. Трудно жить шестером на одну учительскую зарплату, но мама, наша Наталья Ивановна, ухитрилась, чтобы было вроде бы не трудно». Да, став взрослыми, мы это осознали. А пока были маленькими, не замечали: нас кормили, одевали, все было в порядке, мы росли...

— И вы наверняка играли в школьных спектаклях.

— Вот и ошиблись. В школе представления не имели, что я хочу на сцену, и страшно уди-

вились, когда я, не дожидаясь выпускного вечера, попросила выдать мне аттестат, чтобы послать его в ГИТИС.

— Неужели вдруг, ни с того ни с сего, — в ГИТИС?

— Почему же «ни с того ни с сего»? Я несколько лет занималась в Народном театре клуба железнодорожников. Играла роли девочек, например Надю в горьковских «Врагах».

— А почему именно в железнодорожном клубе?

— (Слегка смутившись, со смехом). А он ближе к дому... Я понимаю, со стороны казалось, что у меня нет оснований «кидти в актрисы». Так бывает, фактов нет, но человек чувствует в себе эти основания. Я даже не знала о существовании училищ имени Щепкина и Щукина, про ГИТИС прочла в газете. В Москве у нас не было никаких знакомых, но я убедилась родителей, что поселилось в общест- житии ГИТИСа. Дадут общежитие, не могут не дать! И не могут меня не принять.

— И, надо полагать, все это сбылось?

— Не сразу. На собеседовании мне сказали: «Не советуем вам выходить даже на первый тур. У вас голос травести, а фактура героини... Знаете, я не могу заплакать, когда это нужно. Многие умеют, а я не могу. Но когда вышла с собеседования, разревелась яростно! Меня окружили абитуриенты, успокаивали, и чей-то голос говорил: «Смени репертуар, читай что-нибудь плавное, спокойное». Я его послушалась. На первом туре вспомнила пушкинское «Мороз и солнце, день чудесный...» Из прозы прочла «Лист» Приш-

— Знакомо вам чувство творческой неуверенности? Сомнения?

— Всякая новая работа начинается для меня с неуверенности. У меня еще нет ощущения опыта. К тому же с прежним опытом, я считаю, нельзя подходить к новому человеку (не люблю говорить: «к новому образу»). Прочитав сценарий фильма «Василий и Василиса» (по рассказу Распутина), я сказала режиссеру Ирине Ивановне

идете на любимую работу, которая для вас даже не совсем работа, а еще и немножко игра, когда вы испытываете ощущение праздника в процессе работы — это ли не подлинное счастье?

— Когда актера спрашивают, какая из сыгранных им ролей ему особенно дорога, он обычно отвечает: «Все мои роли — мои дети; бывает ли нелюбимый ребенок?» Вы тоже скажете что-то в этом роде?

А жаль... Я это к чему вспоминаю — в «Хомуте» я сначала выглядела именно так, какой была первоначально задумана моя героиня.

— Ольга Михайловна, в театре обычно на роль назначают двух или больше актрис, чтобы было несколько составов. Как вы относитесь к своим, так сказать, соперницам?

— Спокойно отношусь. (Смеется). Все равно я лучше...

— Сейчас вы дома, «с удовольствием не играете». Какого рода книги предпочитаете, что перечитываете?

— Читаю те новинки в журналах, которые не успела прочесть. Например, романы Айтматова. Я еще очень многого не знаю, должна наверстывать, и поэтому не могу позволить себе перечитывать.

— А каково ваше отношение к музыке, живописи?

— Я дилетант, хотя параллельно с общеобразовательной школой окончила музыкальную, по классу фортепьяно. Родители очень хотели этого. В молодости они жили на Урале, и папа тогда сам сделал рояль; а потом этот рояль при пожаре сгорел, но осталась мечта об инструменте и о том, чтобы кто-нибудь из детей на нем играл. И вот меня отправили в музыкальную школу, для чего продали мамину шубу и купили пианино... Я думаю, все мы, кроме профессиональных музыкантов и живописцев, дилетанты в музыке и живописи. Конечно, чувствуем ту или иную мелодию, то или иное полотно. Я могу на выставке увидеть всего одну картину, однако если она меня поразит, этого будет достаточно. Но уж, конечно, не стремлюсь всюду успеть («Ты была на выставке «Париж—Москва?» — «Как же, была три раза, в том числе и на открытии!»).

— Фильмы с вашим участием показывали за рубежом; вы ездили на эти показы, на кинофестивали?

— О, я полмира объездила: Боливия, Перу, Коста-Рика, Панама, Мадагаскар, Уганда, Заир, Центральная Африканская Республика, а в Европе — братские страны, Швейцария, ФРГ... И знаете, главное мое открытие в этих поездках: на земном шаре живут люди. Не латиноамериканцы, африканцы, итальянцы или французы, а кинозрители.

— Пожалуйста, простите меня, я вторгаюсь в область сугубо личную... Хочу заметить, что при своей занятости в театре и кино вы — отважная актриса: двое детей — это, знаете ли...

— Странный взгляд на вещи! И, что особенно странно, пространственный! «Ты — героиня, двое детей — это для актрисы подвиг!» Никакой не подвиг; кстати, у Иры Муравьевой, у Кати Марковой, у Риты Тереховой по двое детей. Нас было дома четверо, и это нормально. Мы с мужем давно говорили: «Нам бы второго...» Я не могу отказаться от детей ради работы, как не могу отказаться от работы ради детей. Планета враждебна, дети рождаются, растут, так и должно быть!

— И еще вопрос, Ольга Михайловна: что же дальше?

— Я не строю планов, не рассчитываю свою жизнь вперед. Я надеюсь на благосклонность жизни. На счастливую ситуацию. И верю: она будет.

Гостью расспрашивал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Фотографировали
Ю. Инякин и Ю. Луньков.

Поплавской: «Вы меня зря вы- звали, я эту роль — Васили- сы — просто не сыграю». И только в середине съемок почувствовала уверенность. Роль такая, что словно тянет тебя с собой на аркане и нужно лишь слушаться ее... Или, например, в театре — Глафиру в «Волках и овцах» я до генеральной ре- петиции не знала, как играть. Со мной многие актеры говорили, объясняли, подсказывали, но я не могу принять эти подсказки — не чувствую. Тоня Дмитриева го- ворит: «Да ты что, это же «са- моигральная» роль!» Какая уж тут «самоигральная», если я до сих пор одну сцену так для себя и не решила, играю напро- лом... Видела в этой роли Бы- стрецкую, читала о Зеркаловой, о репетициях Станиславского с Андровской. Но мне надо сде- лать свою Глафиру. Я опираюсь не на интуицию, а на логику. И как раз логически пока не мо- гу решить эту сцену.

— Нередко актеры на встре- чах со зрителями говорят: «Съемки были очень трудными, работа была очень тяжелой» и в том же духе. Но ведь эти трудности — в рамках профес- сии. Как вы полагаете?

— Трудно, я полагаю, влезть в человека (то, что называют «образ»). Профессор Гераси- мов восстанавливал облик лю- дей прошлого по черепам — а вдруг он ошибся, и они выгляде- ли не так, а мы верим? Так и я, актриса, не должна ошибаться, потому что мне верит зритель и я не имею права его обманыв- ать. Только это и трудно, ос- тальное все легко. Когда вы

— Отнюдь. Да не обидятся на меня режиссеры и коллеги, но я особенно дорожу — в ки- но — двумя ролями: Женей Ко- мельковой (в фильме «А зори здесь тихие...») и Василисой. Такой уровень драматургическо- го материала, такая слитность этих персонажей со мной — по- добного не было у меня в дру- гих работах.

— Доводилось вам играть роль, в которой надо было вы- глядеть некрасивой, может быть, даже уродливой?

— Доводилось. По окончании ГИТИСа мы пятеро — Юрий Ере- мин (нынешний главный режис- сер Центрального театра Совет- ской Армии), Андрей Мартынов, Коля Михеев, Владик Долгоруков и я — были приглашены в Театр юного зрителя. И сразу развили там бурную деятельность, почти сами поставили «Позднюю лю- бовь» Островского, где я игра- ла Лебедкиной (хотя по гитисов- ским меркам должна бы вроде играть Людмилу, «голубую ге- роиню»). Смотрю на старые снимки в роли Лебедкиной — как же я ужасно гримасничала! Какой ужасный — и в то же время бесценный — опыт... Еще был такой фильм «Хомут для Маркиза»; я должна была играть несчастливую женщину, котло- мойку в столовой, живущую в захолустье, муж пьет, жизнь не сложилась. Но создатели филь- ма не решились на столь резкие характеристики, и женщина по- сле их «корректив» получилась не такой уж несчастливой, и не такое уж это было захолустье, и не так уж сильно пил муж...

